

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

428842

2

« НАУКА »

1993

I 7736

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

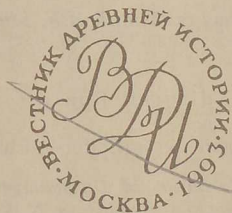
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

428842

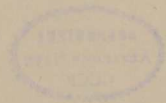
93п2

2(205)

Апрель—Май—Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА

(Из неизданного научного наследия)

Знакомство с неопубликованным наследием С.А. Жебелева после выхода в свет воспоминаний о его наставнике Ф.Ф. Соколове целесообразно продолжить публикацией его автонекролога, дающего возможность познакомиться, что называется, из первых рук с главными фактами научной биографии патриарха отечественного антиковедения XX в. Автонекролог был составлен в июне-сентябре 1932 г. по случаю собственного 65-летия и содержит неоценимые сведения не только о деятельности самого С.А. Жебелева, но и о его учителях и коллегах, о научном и политическом климате в стране, его весьма откровенные признания и высказывания по самым разным вопросам. Эта автобиографическая работа представляет для нас исключительный интерес, так как характеризует жизненное и научное кредо С.А. Жебелева и дает объективную оценку всего им содеянного. В свое время Д.П. Каллистовым были опубликованы выдержки из автонекролога С.А. Жебелева¹, но теперь настало время познакомить публику с полным текстом этого оригинального сочинения со всеми приложениями.

Автонекролог С.А. Жебелева замечателен полнотою обзора и редкой объективностью оценки собственной деятельности, как научной и преподавательской, так и общественной. Со страниц этого удивительного по своей честности произведения встает портрет русского ученого, чья жизнь пришлось на самый, может быть, драматический отрезок отечественной истории, кто, начав с весьма скромного исходного пункта, собственным упорным трудом создал себе видное положение в ученом мире России, кто пережил революцию, гражданскую войну и полосу террора, и, в общем, остался верен первоначально усвоенным принципам житейской и научной порядочности. Немногие вынужденные от них отступления (как, например, отречение от собственного своего друга М.И. Ростовцева) не скрываются автором и даже не оправдываются ссылкой на всем известные обстоятельства.

По честности самооценки этот автобиографический очерк С.А. Жебелева не знает себе равных. Но он замечателен не только заявленными в нем высокими истинами. Это произведение драгоценно для нас богатством своих реалий, подробностями из старого, безвозвратно канувшего в Лету гимназического и университетского быта, характеристикой учителей и коллег — историков и филологов старой школы, обстоятельным рассказом об этапах ученой карьеры и, конечно же, откровенным разъяснением тех научных взглядов, которых С.А. Жебелев вслед за своим наставником

¹ Каллистов Д.П. «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелева // ВДИ. 1968. № 3. С. 152—158.

Ф.Ф. Соколовым, в русле строгого историко-филологического направления, придерживался всю жизнь.

Конец 1920-х — начало 1930-х годов стали для С.А. Жебелева самыми тяжелыми годами его жизни. Они ознаменованы изгнанием из Ленинградского университета (1927), «делом» Жебелева (1928), травлей в марксистской печати, бесконечными чистками в АН СССР и ГАИМК. Из этих испытаний ученый вышел не без потрясений: в начале 1930-х годов ему пришлось пересмотреть традиционную научную позицию и засвидетельствовать свою лояльность по отношению к торжествующему в науке марксизму соответствующими публикациями. Именно так мы расцениваем появление работ С.А. Жебелева, развивающих тему рабских восстаний в русле, уже указанном марксистской историографией². Его трижды переиздававшаяся статья о восстании Савмака была поднята на щит официозной исторической наукой, а сам сюжет вошел даже в школьные учебники по истории СССР. Но эти события относятся к более позднему времени, чем дата написания автонекролога.

Автонекролог С.А. Жебелева публикуется в обрамлении сопутствующих ему материалов: вначале дается специально написанное для него автором предисловие, где указываются доводы и обосновывается жанр повествования, а в конце присоединяются дополнительно набросанные С.А. Жебелевым комментарии по отдельным сюжетам, к сожалению, оставшиеся незавершенными. Заключается подборка материалов комментарием авторов публикации, где проясняются лица и даются полные описания изданий, упомянутых С.А. Жебелевым. Текст издается по автографу с многочисленными вставками и правками автора. Первые отмечены «звездочками» и оговорены в подстрочных примечаниях. Сокращенные слова дополнялись без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

² Жебелев С.А. Первое революционное восстание на территории СССР. (Историческая справка) // СГАИМК. 1932. № 9—10. С. 35—37; он же. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Л., 1933 (то же: ВДИ. 1938. № 3(4). С. 49—71); он же. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.—Л., 1953. С. 82—115); *idem*. L'Abdication de Pairisades et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore // Revue des études grecques. 1936. Т. 49. № 229. Р. 17—38; он же. Источники изучения рабских восстаний в древнем мире // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 9—10. С. 45—55; он же. Выступление в прениях по докладом на пленуме ГАИМК от 20—21 мая 1933 г., посвященного проблеме социальной революции в античном обществе // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 185—189; Жебелев С.А., Ковалев С.И. Великие восстания рабов II—I вв. до н.э. в Риме // ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 139—180.

[С.А. Жебелев ПРЕДИСЛОВИЕ К АВТОНЕКРОЛОГУ]

На своем веку мне пришлось написать немало количество некрологов или поминальных статей. Приходилось писать некрологи лиц мне близких или более или менее хорошо мне знакомых, но приходилось писать некрологи и таких лиц, особенно из числа иностранных ученых, с которыми я ни разу в своей жизни не встречался и даже не видел их портретов. Если при писании некрологов первого вида все же была некоторая возможность запечатлеть образ покойного на основании не только оставленного им ученого наследия, но и на основании личных о нем впечатлений, как бы подчас ошибочны они ни были, то при составлении некрологов

второго вида всегда приходилось испытывать некоторое затруднение: можно было высказать свое впечатление о покойном, как об ученом, но уже совершенно невозможно было дать какое бы то ни было представление о нем как о человеке. Между тем для того, чтобы более или менее правильно обрисовать деятельность ученого, необходимо, конечно, считаться с тем, что он был прежде всего не ученый, а человек со всеми его положительными и отрицательными, сильными и слабыми сторонами. В последнем из написанных мною некрологов, в некрологе Виламовица, мне многое выяснилось в его ученой деятельности именно благодаря тому, что Виламовиц опубликовал свои «Eginnerungen» [1], где он много говорит и о себе, и о той обстановке, в которой протекала его ученая деятельность. Правда, Виламовиц не скупился иногда на те или иные «высказывания» субъективного характера и в своих ученых трудах, но огромное большинство ученых делает это в своих трудах чрезвычайно редко, что и затрудняет правильную оценку их ученой деятельности, когда приходится писать их некролог.

Писать свои воспоминания я не собираюсь по многим причинам, главным образом потому, что у меня для этого нет *фактического* материала в виде каких-либо более или менее регулярных записей в виде дневников. В различные эпохи своей жизни я пробовал вести такого рода дневник, но скоро же бросал это, потому что на писание дневника входило много времени и обыкновенно сообщались многие совершенно неважные, нехарактерные факты. С другой стороны, с течением времени некоторые важные факты или совершенно улетучивались из памяти, или приобретали неясный или ничтожный для меня самого образ, иными словами, уклонялись от того, чем должен быть факт как нечто действительно случившееся. Да и вообще, всякие «воспоминания», как бы ни была свежа память у составляющего их, дают лишь отчасти фактический материал, гораздо чаще же передают лишь впечатления, сложившиеся в уме составителя, о тех фактах, о которых он рассказывает, причем — и это очень важно — излагаются эти факты с точки зрения не того времени, когда факты имели место, а с точки зрения того времени, когда воспоминания составляются. Если даже допустить, что впечатления в данном случае довольно близко отражают фактическую истину, все же это будет только отражение ее, а не она сама. Повторяю, всякий, пишущий воспоминания не для себя, а для других, должен располагать, помимо хорошей памяти, фактическим, документальным материалом, современным или, во всяком случае, близким по времени к моменту, к которому факт относится. Что же касается воспоминаний, заключающих в себе лишь впечатления, оставленные в памяти их составителя происшедшими фактами, то при всей их важности и ценности эти впечатления не могут еще заменить документального фактического материала и всегда будут носить неизбежно субъективный, а не объективный характер.

Вся жизнь человека состоит из фактов, крупных и мелких. Ясно, что крупные факты запечатлеваются в памяти сильнее и крепче, а значит и надежнее, чем мелкие факты, хотя иногда последние в жизни человека имели очень важное значение, могут в некоторых случаях помочь уяснить *ψδος* человека даже лучше, чем факты крупные. Но, с другой стороны, последние несомненно лучше запечатлеваются в памяти, в особенности если они имели не преходящее, а более длительное значение в жизни человека. Таких крупных фактов в жизни каждого человека едва ли бывает очень много. Поэтому и память о них в его голове более устойчива и более надежна. Идеалом всяких воспоминаний было бы то, если бы человек в своих воспоминаниях при передаче их на бумаге исходил из этих крупных фактов, присоединяя к ним факты мелкие, но характерные, помогающие лучше уяснить или обрисовать факты крупные. Составление таких «идеальных» воспоминаний — дело далеко не простое, и оно требует от составителя

большого таланта и даже художественного воплощения. Составление таких «идеальных» воспоминаний по плечу лишь Виламовицам.

К числу их я не могу отнести себя и в малой мере. Поэтому я и раньше затруднялся даже приступить к составлению своих воспоминаний, а после того, как прочитал «Erinnerungen» Виламовица, и совершенно отказался от мысли писать их. Но, с другой стороны, мне всегда хотелось дать отчет, прежде всего самому себе, о прожитой мною жизни и дать ту оценку ей, и положительную, и отрицательную, которую я составил о ней сам. Дать же оценку человеческой жизни можно лишь тогда, когда эта жизнь оборвалась, когда человек умер и когда другие начинают судить о ней в устной или в письменной форме, иными словами, когда пишут о покойном его некролог. Как я уже упоминал, мне приходилось писать немало некрологов и в них давать оценку и характеристику покойных лиц. Я сознавал всю ответственность, какую я беру на себя, давая эту оценку и характеристику с моей личной точки зрения. И я не раз задавал себе вопрос: а как бы отнесся к даваемой тобой оценке и характеристике тот человек, некролог которого ты пишешь, человек, который не может уже опровергнуть или поправить тебя, если ты на него в своем некрологе налгал, приписал ему то, что он сам о себе никогда и не думал, на что он, может быть, даже рассердился бы на тебя за то, что ты ему все это приписываешь. Покойный Н.Д. Чечулин [2] любивший пускать «крылатые слова», иногда называл некролог «некроложью», хотя бы и бессознательную, и очень может быть, что в некоторых случаях составленные мною некрологи и являются «некроложью», являлись бы, во всяком случае, ею, если бы покойный мог ознакомиться с составленным мною его некрологом, с данною мною ему оценкою и характеристикой его деятельности. Так как, по моему убеждению, всякий несамобольщенный и несамовлюбленный человек является прежде всего наилучшим судьей прожитой им жизни и проявленной им в ней деятельности, то он и должен в первую голову сам дать себе отчет в ней, охарактеризовать и оценить ее. Иными словами, если бы мертвые могли составлять свои некрологи, то это было бы и лучше, и прежде всего поэтому мне и думалось, что если не возбраняется писать автобиографии, то почему бы заблаговременно и не составлять «автонекрологи», хотя бы в виде отчета в прожитой жизни самому себе. Скажут, что это и будет автобиография. Нет! Автобиография пишется в тот момент, когда жизнь еще продолжается и когда она не может еще подлежать полной оценке. «Автонекролог» предполагает, что жизнь человека, по крайней мере на данном отрезке времени, закончилась, что он вправе подвести итоги ей, оценить ее и охарактеризовать на основании главных этапов или отделов его деятельности. И если автор «автонекролога» ошибается в самооценке, самохарактеристике, то он, только он повинен в этом и несет за это ответственность. И мне думается, что если теперь дозволены «авторецензии» (само слово вошло даже в новое издание академического «Словаря русского языка»), то должны быть дозволены и «автонекрологи». Страшного в этом ничего нет, с филологической же точки зрения «автонекролог» звучит даже более приемлемо, чем «авторецензия», которую правильнее было бы во всяком случае заменить термином «автокритика»¹. «Автонекролог» и есть своего рода

¹ Под автокритикой я понимаю не то, что связано теперь с понятием «самокритики». Последняя, насколько я мог заметить, состоит исключительно в подчеркивании и признании отрицательных сторон и соответствует, до известной степени, самообличению. Автокритика же предполагает выявление не только отрицательных, но и положительных сторон, поскольку те и другие ощущаются «самокритиком». Самокритика носит в себе характер самообличающий и покаянный, автокритика содержит ответ самому себе и указывает, что у меня хорошо, что худо.

«автокритика» жизни человека, составленная им самим в ту пору, когда голова у него работает, а рука держит еще перо.

Мысль о своевременности составления «автонекролога» особенно крепко засела в моей голове приблизительно год тому назад, когда на гражданской панихиде по Б.Я. Владимирцову я услышал в речи Н.Я. Марра [3] указание на то, что известное «*de mortuis aut bene aut nihil*» — «буржуазная мораль»². Понятию «буржуазной морали» я, разумеется, не сочувствую. Из ходячего «*de mortuis aut bene aut nihil*» я, во всяком случае, не склонен, из чувства безразлично какой морали выводить то заключение, что покойного можно и даже должно ругать. Если пословица рекомендует «лежащего не бить», то тем паче нельзя согласиться с тем, что лежащего в могиле можно злословить: ведь первый все-таки может, встав, накласть бившему его, второй же лишен возможности что-либо ответить злословившему на него. И вообще к покойнику следует относиться бережнее, чем в живущему. Я думаю, это и повело к тому, что мораль предписывает автору некролога не расписывать и не подчеркивать в нем отрицательные стороны покойного. Иное дело — автор «автонекролога». Он не только может, но и должен, если хочет быть искренним пред самим собою, что пожалуй, труднее, чем быть искренним в отношении других, открыто заявить об отрицательных свойствах своих, поскольку они сказались в тех или иных проявлениях его деятельности. Да они ему и виднее чем кому бы то ни было другому. Ведь автор «автонекролога» дает отчет о себе и своей деятельности, прежде и главное всего, самому себе, своей совести, если она у него есть. Этот «самоотчет» — допустимость его едва ли есть нужда доказывать — поможет и другим желающим правильнее оценить путь жизни, пройденный автором «автонекролога».

Через три месяца исполняется 65 лет моей жизни. Этот пункт ее признан у нас теперь в отношении ученых тою гранью, переступив которую ученый может ходатайствовать о назначении ему пенсии «по возрасту», иными словами 65 лет признается достаточным сроком, чтобы ученый мог «выйти в отставку» по достигнутому им возрасту. Все это тем более является подходящим сроком для подведения итогов прожитой жизни и для критической оценки их. Сколько суждено мне прожить еще, я не знаю; но я знаю, что сколько бы я ни прожил, главное и существенное уже позади, что моя оценка прожитого и сделанного не изменится и что, следовательно, вполне настала пора ее зафиксировать, прежде всего для себя, а затем и для других, кому это будет интересно. Мой «автонекролог», с одной стороны, облегчит мое сознание, с другой стороны, избавит всякого другого, который захотел бы составить мой некролог, от неособенно приятной обязанности или поручения тратить время на его составление. А если даже и нашелся бы кто-либо, кто пожелал бы составить мой некролог, мой «автонекролог», я уверен, облегчит ему его задачу. Но я сомневаюсь, чтобы такой человек нашелся. Из людей, которые близко знали меня, многие умерли. Я имею в виду Я.И. Смирнова, В.К. Мальмберга, Н.П. Кондакова, А.В. Никитского, Б.А. Тураева [5], — это, пожалуй, все лица моего круга и моих интересов, с которыми я поддерживал

² Кстати сказать, я не мог отыскать, кому принадлежит эта максима. В бывшем у меня под рукою сборнике крылатых слов Бюхмана [4] (18-е изд. Берлин, 1895) я нашел лишь указание на то, что «*de mortuis nil nisi bene*» представляет собою, вероятно, перевод приписываемого Диогеном Лаэртским Хилону изречения «*τὸν τεθνήκοτα μὴ κακολογεῖν*», «покойного не злословить». Но это еще не значит, что о покойном нужно обязательно говорить лишь хорошее. Последнее, пожалуй, можно вывести из слов Фукидида (II, 45) в его «*Λόγος ἑπτάκις*»: «*τὸν γὰρ οὐκ ὄντα ἅπας ἕωθεν ἑπαινεῖν*» — «покойного обыкновенно всякий хвалит». Это «обыкновенно» указывает, во всяком случае, что в сознании Фукидида похвала умершему представляется чем-то общепринятым, но не обязательным.

близкие связи (в особенности с тремя первыми из вышеназванных). Остаются, правда, в живых два лица, которые также много соли со мною съели: И.И. Толстой [6] и М.И. Ростовцев [7]. Однако первый, по свойству своей природы, не захотел бы в некрологе говорить об отрицательных сторонах моих, а второй за время, истекшее со дня его отъезда в 1918 г., ничего не мог бы сказать обо мне за последние 14—15 лет, кроме разве того, что я публично отрекся от него, отрекся конечно вынужденно, в силу сложившихся, но нисколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним их самых мрачных эпизодов моей жизни. К тому же и М.И. Ростовцеву, как и другим близким мне людям, я никогда не открывал своего «я». Его я хочу теперь открыть прежде всего самому себе, а о последующем не забочусь. Нужно прежде всего отчитаться перед самим собою, а уже после того пусть отчитывают тебя другие.

Свой «автонекролог» я буду составлять так, как если бы я был не я, а какое-то постороннее мне лицо, некролог которого я составляю. Заниматься ни самовосхвалением, ни самобичеванием я не собираюсь. Я постараюсь оставаться на почве фактов, и если буду пояснять эти факты, то буду ссылаться лишь на ту обстановку, среди которой эти факты происходили и среди которой я жил.

Если успею, я напишу к «автонекрологу» особые «приложения» характера мемориального, со всеми особенностями, мемуарам свойственными, о которых я выше говорил. Иными словами, может быть, к тексту «автонекролога» я дам комментарий. В составлении его я буду чувствовать себя свободнее, как всегда бывает при составлении комментария, где возможно делать и отклонения в сторону. Но самый «автонекролог» я, как филолог, хотел бы составить прежде всего по правилам критических изданий древних авторов, т.е. установить текст, дать его *recensio* без особого увлечения в сторону конъектуральной критики.

23 июня

С.А. Жебелев

АВТОНЕКРОЛОГ

10/23 сентября автору исполняется 65 лет — возраст, с наступлением которого советское законодательство предоставляет право ученому, независимо от выслуженных им лет, возбудить ходатайство о назначении ему пенсии. Осенью же должно исполниться 50 лет с того времени, когда автор, будучи гимназистом V класса, начал давать частные уроки, продолжая заниматься этим в последующие гимназические и следовавшие за ними студенческие годы, по окончании которых он поступил на государственную службу.

Эти два внешних обстоятельства послужили поводом к составлению давно задуманного автором автонекролога, который, по мысли автора, должен подвести итоги всей его деятельности. Автор не собирается прекращать ее, поскольку он не считает еще себя инвалидом труда. Но вместе с тем он убежден, что в направлении его деятельности в дальнейшем существенных перемен не произойдет, что будущее будет продолжением прошлого. Избранная автором форма несколько необычна. Но если разрешается составлять автобиографии, писать даже авторецензии на свои книги, то что могло бы служить препятствием составить свой автонекролог? Ведь пишет же человек в предвидение своей смерти духовное завещание, т.е. делает

распоряжения насчет своего будущего. Тем более он не только вправе, но и обязан «отчитаться» в своем прошлом. Отчитаться прежде всего перед самим собою, а затем и перед общественной средою, в которой протекала и протекает его деятельность.

Отсчет в форме автонекролога носит исключительно формально-фактологический характер и говорит исключительно о деятельности автора на тех поприщах, на которых она протекала. От той или иной оценки своей деятельности автор, конечно, отказывается, равно как и от ее автокритики³. И то, и другое носило бы субъективный характер, автор же стремится быть объективным. Равным образом он не касается подробностей, носящих индивидуальный характер, поскольку они могли бы представлять интерес лишь для тесного круга лиц, более или менее хорошо знающих автора. Для них автор напишет, если позволит время и будет настроение, несколько «приложений» к автонекрологу.

Главным своим призванием Жебелев считал свою ученую деятельность. Подготовку к ней он получил исключительно на Историко-филологическом факультете С.Петербургского университета, куда он поступил в 1886 г., по окончании курса С.Петербургской 2-ой классической гимназии (1876—1886), где его учителями по греческому языку были О.Ю. Клеменчич, по латинскому языку — Н.В. Рубинский и О.О. Кениг. В университете (1886—1890) Жебелев слушал лекции по классическому и историческому отделениям; его главными учителями были Ф.Ф. Соколов, В.К. Ернштедт и П.В. Никитин⁴. По окончании университетского курса Жебелев был оставлен при университете по кафедре классической филологии, причём стипендией, как в бытность свою студентом, так и в бытность свою оставленным, не пользовался. Равным образом не мог Жебелев воспользоваться и заграничною командировкою, т.к. почти сразу же по окончании университета поступил на службу для добывания средств жизни для себя и для семьи, состоявшей из матери и младших своих сестры и брата. О том, что Жебелев не «штудировал» в заграничных университетах, он никогда особого сожаления не испытывал, т.к. считал пройденную им в С.Петербургском университете «школу» вполне достаточной и хорошей. Но о том, что ему не удалось в начале своей деятельности на ученом поприще провести, подобно большинству его соотечественников по специальности, два-три года в классических странах — Греции и Италии — он сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке. Последующие пребывания в Греции, в Италии и вообще за границей, продолжавшиеся в общей сложности год с небольшим, многому Жебелева научили, но это было не то, если бы ему пришлось на заре его ученой деятельности позаниматься в чужих краях, не отвлекаясь ничем другим, длительный срок. В общем нужно сказать, что Жебелев — «доморощенный ученый», подготовка которого обошлась казне всего в 1500 руб., полученных им от университета

³ Ученая деятельность автора была за последние годы характеризована не раз другими: В.П. Бузескул во 2 ч. его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.» (Л., 1931); он же в напечатанной на правах рукописи в «Протоколах» Общих собраний Академии наук за 1927 г. «Записке» об ученых трудах автора при избрании его в действительные члены Академии наук; Н.М. Беляев в 1 т. сборника «Seminarium Kondakovianum» (Прага, 1927); И.И. Толстой в статье, предшествующей «Списку» печатных трудов автора, изданному по случаю 35-летия его ученой деятельности (Л., 1926); к помещенным в списке 212 номерам трудов прибавилось номеров 40, появившихся после 1925 г. [8].

8/21 сентября 1932 г.

С. Жебелев

⁴ См. статью Жебелева «Из университетских воспоминаний» (Анналы. 1922. № 2. С. 168—187) и составленные им для ЖМНП некрологи Ф.Ф. Соколова (1909. № 9. С. 17—64), В.К. Ернштедта (1902. № 10. С. 50—63), П.В. Никитина (1916. № 8. С. 43—71) [9].

на заграничные поездки в 1896, 1900 и 1905 гг. (остальные поездки за границу Жебелевым были совершены на свой счет).

«В лице Жебелева мы видим сочетание филолога-классика, эпиграфиста, археолога и историка» (В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России. Ч. 2. С. 147). Это требует уточнения и пояснения.

Историком Жебелев является постольку, поскольку некоторые из его работ, правда самые большие по размеру, написаны на исторические сюжеты. Но: 1) эти работы касаются только истории Греции, отчасти истории Рима; 2) они посвящены рассмотрению проблем, связанных почти исключительно с т.н. внешней, политической историей; 3) они почти исключительно аналитического, а не синтетического характера. В своих исторических работах Жебелев занимался, главным образом, установлением фактов как таковых; тут он всецело ученик «Соколовской школы». Если Жебелев и может быть квалифицирован как историк, то его работы в этом направлении скорее историко-филологического, чем строго исторического характера.

В бытность свою студентом Жебелев археологией не занимался, да и не мог заниматься, т.к. в то время никаких курсов по археологии не читалось. О тех внешних благоприятных обстоятельствах, которые привели Жебелева к занятиям археологией, пробудили в нем интерес к ней, он подробно говорит в предисловии к своему «Введению в археологию» [10]. Из этих обстоятельств едва ли не самым главным было установление близких сношений с Н.П. Кондаковым, которого Жебелев считает если не своим учителем, то крестным отцом в области археологии. Однако и тут, как и в отношении истории, у Жебелева слишком узок исторический горизонт: его интересовала по преимуществу классическая, отчасти раннехристианская археология. Самое же главное состоит в том, что Жебелев далеко недостаточно, чтобы считать себя археологом, занимался вещественными памятниками как таковыми. Он привлекал, где это нужно было, археологический материал, он читал археологические курсы, он опубликовал даже «Введение в археологию», но все это результаты скорее «книжных занятий», чем изучения вещественных памятников в их натуре. А последнее для археолога — прежде всего.

То же и в отношении эпиграфики. Эпиграфистом может считаться тот, кто имеет постоянное общение с самими «камнями», с их эстампажами, кто публикует впервые надписи, кто предлагает к ним восстановления. Такими заправскими эпиграфистами были у нас В.В. Латышев [11], А.В. Никитский. Жебелев ни одной надписи не опубликовал впервые. Правда, он немало предложил восстановлений к ним, еще больше он занимался их толкованием, вообще привлекал их, и не как подсобный, а как руководящий материал, в своих работах. Лишь с таким ограничением Жебелев мог бы считать себя эпиграфистом, и то лишь в области греческой эпиграфики.

Ученый титул Жебелева, самый дорогой для него из всех его титулов, — «доктор греческой словесности», или, что то же, доктор греческой филологии. Единственно на такую квалификацию он считал бы себя вправе претендовать. Однако и здесь нужно уточнение в двух направлениях. Так как, с одной стороны, греческую филологию нельзя изучать, не соприкасаясь с филологией римской, то Жебелев не чуждался и ее, и в этом случае вправе был бы причислить себя к «филологам-классикам». С другой стороны, классическая филология делится на филологию формальную и филологию реальную. Жебелев был только филологом-реалистом. Изучение таких ветвей классической филологии, как историческая грамматика, метрика, палеография и пр., не входило в круг научных интересов Жебелева. Конечно, он стоял на той точке зрения, что без основательного знания обоих древних языков всякие занятия, касающиеся изучения античного мира, — покушение с негодными средствами, но специального уклона в сторону изучения их, как таковых, an und für sich у

него никогда не было, да и не должно было быть, т.к. кто желает изучить древние языки с этой формальной точки зрения, тот должен быть лингвистом, а лингвистической подготовки у Жебелева не было, и в лингвистической сфере, если ему приходилось забираться в нее, он не чувствовал себя хозяином, сознавая, впрочем, что и при занятиях реальной классической филологией этой сферы, без ущерба для дела, не миновать. Но в таких случаях Жебелев стоял уже на чужих, более компетентных, чем он, плечах. Но даже и в области реальной классической филологии была большая и важная отрасль ее, не привлекавшая специальных интересов Жебелева: история литературы. Если уж быть абсолютно точным, предметами его изучения была античная история и так называемые древности, преимущественно греческая история и греческие древности. Для изучения их Жебелев старался привлекать всю античную традицию, т.е. источники литературные, документальные и вещественные, причем главную свою задачу усматривал в критическом анализе этой традиции, в установлении, на основании ее разбора, фактов и только фактов. Он не только не смутился бы, но был бы очень польщен, если бы к нему применили кличку «фактопоклонник». Ибо, по его мнению, в установлении фактов заложены фундамент цель и назначение научного знания — узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию.

При этом характер самой метóды, посредством которой эта цель достигается, не играла во мнении Жебелева большой роли, лишь бы эта метóда была *строго научная*. Не метóду, а самое значение, получение его Жебелев ставил выше всего. Он был вполне согласен с Виламовицем-Меллендорфом, сказавшим (Platon...): «Die Methode um ihrer selbst willen ist eine Mühle, die sich dreht, ohne zu malen» [12]; а в чем строгая филологическая метóда состоит, он мог бы сослаться на слова Моммзена: «Безоговорочно честное исследование истины, не останавливающееся ни пред каким трудом ни в малом, ни в большом, не скрывающее ничего сомнительного, не замалчивающее никакой лакуны ни в предании, ни в собственном знании, всегда во всем дающее отчет себе и другим» [13].

Та традиция, которая дошла об античном мире, страдает большими лакунами, полною неравномерностью, нарочитой, в некоторых случаях, нескритичностью. Это обязывает исследователя, с одной стороны, дорожить буквально каждой строчкой предания, вчитываться и вдумываться в него, но вместе с тем постоянно относиться к нему с трезвою критикою, и лишь после тщательно проведенной аналитической работы, устанавливая факты с тем, чтобы затем освещать их. Из фактов должно создавать это освещение, а не из каких-либо теоретических предпосылок, аналогий и тому подобных вспомогательных средств исследования. С другой стороны, отмеченные свойства античной традиции при всяких попытках исследователя к воссозданию более или менее ясной картины далекого прошлого, неизбежно наталкивает его на путь гипотез. И это не беда даже в глазах фактопоклонника. Нужно только уметь твердо различать область положительного от области предположительного. Где и последнее не помогает, там лучше держаться правила Готфрида Германа [14]: *est quaedam etiam nesciendi ars et scientia*. От ошибок и заблуждений в научной работе никто не застрахован. Узенер [15] даже любил говаривать: «Man muss den Muth haben zu irren». Но раз ошибка указана другим или замечена самим исследователем, последний должен в ней открыто признаться. И этого Жебелев не боялся: он, например, открыто признал печатно, когда к тому представился случай, ошибочность данного им построения событий первого года второй Македонской войны.

Вот те основные принципы, каким *старался* следовать Жебелев в своей

научной работе. В какой мере удалось ему осуществить их на практике, он сам судить отказывался, предоставляя это другим.

Внешнюю форму своих работ Жебелев не оставлял без внимания, полагая, что ученая работа составляется не для ее автора, а для ее читателя; она должна быть изложена удобочитаемо, по возможности с опущением всего, прямо не идущего к делу; нужно уметь беречь время читателя. Поэтому все свои работы при окончательной их отделке подвергалось Жебелевым обыкновенно не распространению, как это иной раз бывает, а возможному сокращению. Идеалом в этом отношении для Жебелева служила писательская манера П.В. Никитина. От свойственной более ранним работам Жебелева скверной привычки уснащать основной текст обилием примечаний — в большинстве случаев внешняя и дешевая ученость, в особенности при наличии всякого рода Handbuch'ов и энциклопедий по klassische Altertumswissenschaft, бурсиановских Jahresbericht'ов и т.п. — он старался всячески освободиться в своих работах более поздних.

Хотя Жебелев старался если не охватить, то не оставлять вне своего кругозора всю область греческой древности, но конечно разрабатывать самостоятельно он мог только некоторые ее отделы. Из них главными должны быть считаемы два: эллинистический и римский период истории Греции и греческие сакральные древности. К первому отделу должны быть отнесены, помимо мелких статей, следующие работы: «К истории диалогов» — разбор только что опубликованных тогда отрывков из «Τὰ μετ' Ἀλέξανδρον» Арриана (ЖМНП. 1889. № 11. С. 13—32; первая печатная работа); «К истории образования после-клифеновских фил» (Στέφανος в честь Ф.Ф. Соколова. СПб., 1895. С. 11—48); «Из истории Афин. 229—231 гг. до Р.Х.» (СПб., 1898. С. XVI+365; магистерская диссертация); «Zur Geschichte von Lemnos» (Klio. 1902. Bd. 2. s. 36—44; единственная статья Жебелева, написанная не по-русски): «Ἀχαϊκά. В области древностей провинции Ахайи» (СПб., 1903. С. X.+392; докторская диссертация); «Союз островитян» (ЖМНП. 1905. № 5. С. 219—260); «Афинские архонты III, II и I вв. до Р.Х. Устойчивые и неустойчивые основы их каталогизации» (ЖМНП. 1909. № 7. С. 287—314). Результаты работ Жебелева, посвященных истории эллинистических Афин, вошли в научный обиход, как в этом можно убедиться по ссылкам на них в монументальном издании Прусской Академии наук «Inscriptiones Graecae», t. 2 (ed. minor) [16]. «Ἀχαϊκά» Жебелева охарактеризована Бр. Кейлем в кн.: Gercke-Norden. Einleitung in die Altertumswissenschaft [17]. Bd. 3. S. 430 как «sehr sorgfältige Untersuchungen». В области изучения греческих сакральных древностей Жебелева заинтересовал, еще со студенческой скамьи, вопрос о так называемом религиозном врачевании, вопрос, имеющий также отношение и к истории греческой медицины. Из большого «кандидатского» сочинения Жебелева на тему «Исследования об инкубации и инкубационных оракулах в древней Греции» [18] удалось напечатать, кроме нескольких мелких статей, трактат «Религиозное врачевание в древней Греции» (СПб., 1893. 64 с.), в котором Жебелев, вопреки обычному в то время мнению, показал, что практика религиозного врачевания, хотя оно и овеяно было религиозным налетом, построена была на применении основ рациональной медицины. К вопросам, связанным с религиозным врачеванием, Жебелев вернулся и в своих последних работах («Эпидаврская ареталогия» и «Эпидаврская терапевтика») [19]. Сюда же относится статья Жебелева «Чудеса св. Артемия» (Сборник в честь В.И. Ламанского. СПб., 1907. Ч. 1. С. 451—474).

С давних пор Жебелева привлекало также изучение классического прошлого нашего юга. К этой области относятся его работы «Пантикапейские Ниобиды» (СПб., 1901. 57 с.); в сотрудничестве с Вл.К. Мальмбергем

«Три архаических бронзы из Херсонской губ.» (СПб., 1907, 35 с.); «Возникновение Боспорского государства» (ИАН. 1930. № 10. С. 799—820) и несколько мелких статей. После смерти В.В. Латышева Жебелевым было подготовлено не вышедшее в свет новое издание 2-го тома *IosPE* «Inscriptiones regni Bosporani» [20].

Остальные работы Жебелева исследовательского типа не связаны единством основной темы и посвящены различным вопросам в области классической древности — истории, археологии, эпиграфики.

Из наиболее крупных работ можно было бы отметить «О композиции "Описания Эллады" Павсания» (ЖМНП. 1909. № 10. С. 395—440); «Афина и Афины» (ЗВОРАО. 1925. Т. 26. С. 255—280); «Фрагмент элевсинской надписи» (ИАН. 1930. 7 сер. № 4. С. 251—264).

Достаточно поработал Жебелев и над переводом классических произведений древних писателей, желая внести лепту в дело нашего просвещения. Им была переведена, с примечаниями, «Политика» Аристотеля (М., 1911. С. XII+465; в приложении очерк о греческой политической литературе и «Политике» Аристотеля); переработан перевод, исполненный в свое время Ф.Г. Мищенко, истории Фукидида [21], причем многие отделы этой истории переведены заново (М., 1915. Т. 1—2. 848 с.; примечания к переводу и вступительные очерки к нему (С. 69+86) составлены были Жебелевым заново); для предпринятого издательством «Academia», но далеко не доведенного до конца издания нового перевода Платона Жебелев успел [сделать] переводы с вводными статьями и примечаниями «Пира», «Федра» (Пг., 1922. 173 с.), «Евтифрона», «Апологии Сократа», «Критона», «Федона» (Пг., 1923. 215 с.). Переведены, но остались в рукописи «Государство» и письма; остались также в рукописи исполненные для «Памятников мировой литературы» переводы Ксенофонта — «Домостроя», «Апологии Сократа» и «Пира».

Раннее христианство, возникшее на иудейской почве, но в греко-римском окружении, должно быть близко с исторической точки зрения сердцу филолога-классика. Немудрено, что оно интересовало и Жебелева. Он мечтал в свое время о новом, точном переводе Нового завета, исполненном на основе критического изучения его текста трудами, главным образом, немецких ученых (Бласса и Зодена) [22]. Мечте этой не суждено было осуществиться. Зато после революции, когда, казалось, изучение Нового завета, бывшее до того исключительно в руках богословов, может происходить в благоприятной обстановке и в обстановке строго научной, Жебелев поспешил воспользоваться создавшимся положением. Он издал общий очерк «Евангелия канонические и апокрифические» (Пг., 1919. 123 с.) и «Апостол Павел и его Послания» (Пг., 1922. 197 с.), разошедшиеся без остатка, и небольшие исследования «Христос-плотник» (Христианский Восток. 1922. Т. 5. С. 303—314), «Иконографические схемы Вознесения и источники их возникновения» (*Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov*. Prague, 1926. С. 1—18), «Оранта. К вопросу о возникновении типа» (*Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. I. С. 1—7). В рукописи готов перевод греческих апокрифических евангелий и собран большой материал для темы «Восхищение (*ἀρραμὸς*) Христа».

Для истории классической филологии и археологии в России могут пригодиться составленные Жебелевым некрологи А.Н. Щукарева (1900), Д.Ф. Беляева (1901), В.К. Эрнштедта (1902), И.В. Помяловского (1907), Ф.Ф. Соколова (1909), Е.К. Редина (1910), И.В. Цветаева (1914), А.В. Прахова (1916), П.В. Никитина (1916), гр. И.И. Толстого (1916), В.В. Латышева (1926), Я.И. Смирнова (1918), Б.В. Фармаковского (1929), И.В. Нетушила (совместно с В.П. Бузескулом; 1929), Ф.И. Успенского (1929), В.П. Бузескула (1932), отзывы об ученых трудах, касающихся юга России, Э.Р. фон Штерна (1901) и Б.В. Фармаковского (1915), равно как и большое количество рецензий и

библиографических заметок о трудах и русских, и иноземных ученых (о некоторых из последних имеются также и их некрологи). В течение без малого 10 лет Жебелев вел в журнале «Филологическое обозрение» «Археологическую хронику эллинского Востока».

В области научно-популярной литературы Жебелевым были составлены биографические очерки Сократа (Берлин, 1923. 191 с.), Демосфена (1922. 171 с.) и Александра Великого (1922. 171 с.) [23] (последний очерк переведен на эстонский язык). Сюда же должно отнести 6 книжек из предпринятой издательством «Наука и школа» серии «Введение в науку»: «Эллинизм» (Пг., 1920. 128 с.), «Эллинизм» (Пг., 1922. 112 с.), «Древний Рим. Царская и республиканская эпохи» (Пг., 1922. 119 с.) и «Императорская эпоха» (Пг., 1923. 142 с.), «Введение в археологию» (Пг., 1923. Ч. 1. 199 с. Ч. 2. 172 с.), а также свыше 200 статей, лишь отчасти подписанных, в 29 томах «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона. В общей сложности «печатная продукция» Жебелева выражается цифрой свыше 400 печатных листов.

Разумеется, те из работ Жебелева, которые имели временное, а иногда и скоропреходящее значение, теперь должны быть признаны антиквированными. Но его большие работы продолжают сохранять актуальное значение, поскольку они не заменены пока новыми. Его книгу «Из истории Афин» не заменил соответствующий отдел книги Фергюсона «Hellenistic Athens» (1911) [24], так как последняя представляет собою не аналитическое исследование, а синтетический очерк состояния Афин в эллинистическую эпоху со времени Александра Великого до взятия Афин Суллою в 86 г. до н.э. Книга Герцога «Die Wunderkuren von Epidaurus» (1931) [25] касается некоторых вопросов, связанных с религиозным врачеванием, но не рассматривает его полностью. Что касается «Ἀρχαῖκά» Жебелева, то и до сих пор нет исследования, посвященного провинции Ахайя. Исполненные Жебелевым переводы «Политики» Аристотеля, истории Фукидида, шести диалогов Платона не заменены пока новыми. И даже «Введение в археологию», квалифицированное одним московским критиком как «компиляция», а некоторыми ленинградскими учеными признанное «плагиатом», не имеет по вложенному в книгу содержанию аналогичной работы ни в русской, ни в иностранной литературе [26].

В работах Жебелева не встретится выражение «русская наука» [27], потому что по его воззрению наука — международное понятие. Но поскольку каждый народ проявляет и в науке свою индивидуальность, постольку и себя самого, и своих русских собратьев по науке Жебелев считал русскими учеными. Культивированная Жебелевым отрасль научного знания — классическая филология, классическая археология, древняя история — никогда не имели у нас многочисленных адептов. Все же то время, когда пришлось работать Жебелеву, совпало с временем наивысшего ее расцвета, начавшего клониться к упадку лишь за последние 15—10 лет не потому, что изучение античного мира встречало какие-либо препятствия сверху, а потому, что ряды «классиков» сильно поредели, а главное потому, что большинство из числа оставшихся сошли с того пути, по которому они раньше шли и стали искать, но вряд ли нашли пути новые. Печальным образом должно было отразиться и то обстоятельство, что прекратили свое существование те специальные органы, которые ранее обслуживали у нас науку о древнем мире.

Пока они существовали, Жебелев отдавал много времени и сил на их поддержку, и не столько своими работами, сколько редактированием чужих работ, в них помещавшихся. Редакционная работа с давних пор привлекала Жебелева. Его учителем в ней был В.В. Стасов, привлечший его к редактированию в 1892—1894 гг. труда Н.П. Кондакова «Византийские

эмали» [28]. С тех пор за короткими перерывами Жебелев не расставался уже с редакционной деятельностью. В последние годы XIX и в начале XX в. он неоднократно редактировал, из-за болезни В.К. Эрнштедта, тогдашнего редактора отдела классической филологии ЖМНП, этот отдел. После смерти В.К. Эрнштедта в 1902 г. Жебелев был приглашен Э.Л. Радловым [29] тогдашним редактором ЖМНП, всецело взять в свои руки «классический отдел». Жебелев редактировал его, а иногда в летние месяцы, когда разъезжалась немногочисленная редакционная коллегия ЖМНП, и весь журнал до прекращения его существования в конце 1917 г. Под редакцией Жебелева вышло 15 томов (35—40 листов каждый) «Сборника статей по классической филологии», составлявшегося из статей, а иногда и целых книг, из этих статей получавшихся, печатаемых в «классическом отделе». Еще ранее, с 1895 г. Жебелев по званию секретаря Классического отделения Русского археологического общества (этим секретарем он состоял в период 1894—1919 гг., а затем до 1922 г. был председательствующим общества), редактировал сначала «Труды», потом «Записки» этого отделения, обслуживавшего также византийскую и западноевропейскую археологию, и проредактировал до 1917 г. 14 томов (приблизительно того же объема, что и указанный «Сборник»). Позже, когда стал издаваться «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза—Ефрона. Жебелев редактировал во всех 29 успешных появлениях томах словаря отдел «Изыщные искусства». Помимо этих сериальных изданий Жебелев редактировал «Сборник статей В.К. Эрнштедта» (СПб., 1907), «Труды Ф.Ф. Соколова» (СПб., 1910), «Στέφανος. Сборник статей в честь Ф.Ф. Соколова» (СПб., 1895), перевод «Истории Греции» Пёльмана (СПб., 1910), перевод «Истории греческой литературы» братьев Круазе (СПб., 1912. 2 изд.: СПб., 1916), IX, XIII и XIV тт. предпринятого «Academia» издания перевода Платона (Пг., 1923—1924), IV и V тт. «Известий» и I и II тт. «Сообщений» Академии истории материальной культуры (Л., 1925—1928), посмертный труд Ф.И. Успенского о Трапезунте [30] и 2-я часть книги В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России» (Л., 1930—1931), [31], а также и другие издания. Жебелев не жалел о затраченном им времени на редактирование, потому, что оно помимо того, что служило на пользу нашего просвещения, являлось и для самого редактора одним из источников расширения и углубления его познаний.

Другим, еще более мощным и живым, таким же источником была для Жебелева его преподавательская деятельность, продолжавшаяся с 1891 по 1927 г. Первой, однако, по времени «службой» Жебелева была его служба в университетском Музее древностей (музей, строго говоря, состоял только из библиотеки), куда он поступил с начала февраля 1891 г. «вольнораемным писцом» с жалованием 20 руб. в месяц и где он с 1899 по 1903 г. состоял хранителем. Обстоятельства сложились так, что сначала из-за болезни, а затем выхода в отставку заведующего музеем Н.П. Кондакова его обязанности номинально перешли в руки И.В. Помяловского [32]. Последний в сущности передал библиотеку музея всецело в руки Жебелева, причем он должен был заботиться не только об ее инвентаризации и каталогизации, но и об ее пополнении. Библиотечному делу Жебелев выучился исключительно на практике. Результатом его работы в музее явился печатный «Каталог» (СПб., 1896) и первое прибавление к нему (СПб., 1901) [33], продолжения к которому не последовало, — к сожалению потому, что библиотека Музея древностей была в свое время наилучшей археологической библиотекой у нас. Оставив Музей древностей, второй, так сказать, дом Жебелева, где он провел в общем очень много времени и где он потом читал все свои лекции и вел практические занятия в университете, Жебелев продолжал принимать близкое участие в жизни Фундаментальной библиотеки университета, неоднократно исполняя обязанности члена библиотечной комиссии и ее председателя.

Свою преподавательскую деятельность Жебелев начал в 1891 г. в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, где он читал лекции по истории быта до 1903 г. В 1894—1905 гг. Жебелев читал лекции по истории древнего, а в течение двух лет также и по истории средневекового ренессансного искусства в Высшем художественном училище при Академии художеств [34]. Читая лекции в С.Петербургском университете в звании приват-доцента, будучи уже магистром, Жебелев начал с 1 февраля 1899 г. вступительную лекцию на тему «Классическая археология как предмет университетского преподавания» и курсом «Введение в классическую археологию». По защите докторской диссертации Жебелев был назначен экстраординарным, а в 1913 г. был избран ординарным профессором по кафедре классической филологии. В революционное время, когда всякие «экстраординатуры» и «ординатуры» были отменены, Жебелев числился профессором, пока осенью 1927 г. ему не предложено было перейти в приват-доценты, на что Жебелев не согласился и расстался с университетом, проведя в нем, если считать время студенчества, непрерывно 41 год, из которых 37 лет Жебелев на разных постах и в разных званиях служил университету. За эту службу Жебелев в дореволюционное время никакими высокими чинами и орденами награжден не был, а по окончании службы никакой пенсии не получил. И единственной наградой Жебелева по университету был перевод его из попов в дьячки [35].

Курсы, читанные Жебелевым в университете, распались на общие и специальные. Кроме того он вел постоянно практические занятия просеминарского и семинарского типов. Предметами общих курсов служили греческая и римская история, интерпретация различных греческих авторов. Предметами специальных курсов Жебелев выбирал греческое государственное право, греческую эпиграфику, различные отделы классической археологии. Для практических занятий избирались для перевода и интерпретации греческие тексты или литературные, или эпиграфические; сверх того студенты, в целях лучшего усвоения греческого языка, упражнялись в переводах с русского на греческий. Все «конспекты» университетских лекций Жебелева им были уничтожены; конспекты же лекций по древней истории и, отчасти, археологии были им переработаны в упомянутые выше книжки серии «Введение в науку». Жебелеву пришлось пропустить через свою аудиторию немалое число студентов, еще большее число их пришлось проэкзаменовать, причем в глазах студентов он пользовался репутацией экзаменатора строгого. В общем, однако, никаких недоразумений у Жебелева со слушателями не было никогда, хотя он и был к ним требователен и так называемой популярности у них не искал. Хорошо ли он учил или плохо, могли бы сказать только его слушатели. Среди последних нашлись и такие, которые пожелали пойти по ученой дороге. Некоторые из них теперь уже вполне созревшие ученые, заявившие себя печатными учеными трудами. Некоторые подвизались на преподавательском поприще в С.Петербургском университете. Некоторые продолжают подвизаться на нем и теперь, но в зарубежных университетах (Дерптском, Ла-Платском, Берлинском).

Свой взгляд на дело университетского преподавания Жебелев формулировал так: оно «заключается не в том, чтобы научить слушателей науке, а в том чтобы "вести" их в изучение той или иной науки; последняя должна быть изучаема индивидуально каждым из них; роль профессора сводится, в конце концов, лишь к руководству их знаниями и к облегчению последних». Указывал Жебелев слушателям также и на то, что «при занятиях всякой наукой, в особенности исторической, нельзя ограничиваться только чтением ученой литературы, но необходимо изучать при этом и те источники, которые служат главным фундаментом при всякого рода исторических построениях».

Кроме университета Жебелев читал лекции в 1909—1920 гг. в бывшем Историко-филологическом институте. Два года читал он лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. И после того как Жебелев расстался с университетом, он не прекратил преподавательской деятельности. «Privatissime et gratis» он занимался в Академии истории материальной культуры с группою лиц, желавших выучиться греческому языку или усовершенствоваться в нем.

Публичных лекций Жебелев прочитал только три: одну в конце XIX в. в бывшем Александринском театре для воспитанников средней школы, две других — в 1921 г. в фойе имени Направника в бывшем Мариинском театре для артистов русской оперы.

Всякого рода ученых и полуученых докладов в обществах Русском археологическом, Классической филологии и педагогики, Кружке друзей греческого языка, в Академии истории материальной культуры и др. Жебелев прочитал достаточно; еще большее количество их прослушал.

В качестве официального оппонента Жебелев выступал на диспутах в университете С.П. Шестакова, Н.Г. Адонца, Г.Ф. Церетели, Б.Л. Богаевского, И.И. Толстого, М.И. Максимовой, неофициального — на диспутах Д.В. Айналова и А.В. Никитского.

Административная деятельность никогда не привлекала Жебелева, и он ее не искал, но и не считал возможным уклоняться, когда его к ней привлекали. В университете он прошел, по избранию, все административные должности, полагающиеся для профессоров: секретаря (1905—1909) и декана (1918—1919) факультета, проректора (1911—1912) и ректора (август-сентябрь 1919) университета. В Педагогическом институте, возникшем из Историко-филологического, был деканом Гуманитарного отделения и исполнял обязанности ректора. В 1919 г. Жебелев состоял председателем Совета Эрмитажа, в 1920—1921 гг. был помощником заведующего Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе. Последняя административная должность Жебелева была — товарищ председателя Академии истории материальной культуры (1923—1928) [36]. В административной деятельности Жебелев считался «формалистом», если понимать под формализмом неуклонное следование законным нормам, а не решение дела «по душе», с обращением взора на «лицо человеческое».

Классическая филология и археология, имевшая в свое время в Академии наук обыкновенно двух, а иногда и трех представителей, в течение пяти лет, с 1921 г., когда скончались В.В. Латышев и А.В. Никитский, не имела в Историко-филологическом отделении представителя. В.П. Бузескул вскоре же после своего избрания в академики возбудил вопрос о замещении вакантной кафедры классической филологии и археологии и указал кандидатом на нее Жебелева. Мысль В.П. Бузескула встретила сочувствие со стороны Ф.И. Успенского. Однако против кандидатуры Жебелева выступил со своими возражениями П.К. Коковцов, поддержанный Ф.И. Щербатским [37]. Оба они указывали на то, что во «Введении в археологию» Жебелева имеются некоторые места, целиком заимствованные из других сочинений без ссылок на них («плагиат»). Дело об избрании Жебелева, тянувшееся несколько лет и вызвавшее целое «dossier», окончилось его избранием 7 мая 1927 г., причем к записке об ученых трудах Жебелева, составленной В.П. Бузескулом, дали свои подписи из наличного тогда числа 10 академиков Историко-филологического отделения, помимо В.П. Бузескула, пять академиков. В Общем собрании Жебелев был избран большинством 21 голоса против 8 [38]. Судьбе угодно было устроить так, что Жебелев оказался последним из числа академиков, избранных по старым академическим правилам [39].

Но прошел год с небольшим, как Секция научных работников при

Рабпросе, усмотревшая в появившемся в 1928 г. некрологе Я.И. Смирнова, составленном Жебелевым и напечатанном во 2 т. пражского издания «Seminarium Kondakovianum» некоторые выражения, избличавшие Жебелева в контрреволюции, не только не привлекли Жебелева к каким-либо объяснениям — исключила Жебелева из состава секции, но и возбудила вопрос о применении к Жебелеву того параграфа академического устава, по которому академик лишается своего звания, «если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР». Возник «инцидент», горячо обсуждавшийся советского общественностью и прессою. Он был благодаря энергичному вмешательству президиума Академии наук, в особенности в лице С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана [40], улажен. Жебелев не только остался академиком, но и Секция научных работников, удовлетворившаяся объяснением Жебелева, напечатанным в газетах, восстановила его в правах члена секции без перерыва в стаже [41].

Благополучно прошел Жебелев и «чистку» РКИ в 1930 г. в Академии истории материальной культуры, во время которой к нему предъявлены были снова не только те же обвинения в «плагиате», но и допущенные им «злоупотребления» при приобретении, санкционированном правлением Академии, библиотеки покойного Б.В. Фармаковского [42].

Упомянутый «инцидентами» и закончилось 40-летие научной и административной деятельности Жебелева.

В 1926 г. на торжественном заседании в Академии истории материальной культуры, устроенном по случаю 35-летия деятельности Жебелева, в приветственных речах по его адресу со стороны многих учреждений, где эта деятельность протекала, со стороны его учеников и других лиц говорилось о нем как и о человеке. Как на «юбилеях» и полагается, говорилось только хорошее. Sed audiatur et altera pars. В появившейся в 1931 г. книге «Ленинградское отделение Коммунистической Академии. Институт истории и Общество марксистов. Г. Зайдель и М. Цвибак. Классовый враг на историческом фронте. Тарле, Платонов и их школы» (С. 167—170) устами С.А. Семенова-Зусера Жебелеву дана такая аттестация: он — «махровый реакционер», «плагиатор», «фальсификатор», способен на «циничскую откровенность», «апологет дворянской исторической науки» и т.д.; самый термин «ученый» взят автором этой аттестации в приложении к Жебелеву в кавычки [43]. В заключительном слове, предоставленном Жебелеву во время упомянутой «чистки», он сказал, что в его 40-летней деятельности было, конечно, немало всякого рода отрицательных сторон, но были, по его мнению, и два положительных качества: первое — то, что Жебелев неуклонно и напряженно трудился, второе — то, что он никогда не претендовал на какие-либо для себя льготы и привилегия и ими не пользовался раньше, не желает пользоваться и теперь.

СПИСОК УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВ ЖЕБЕЛЕВА

(составлен на основании печатного университетского «Обозрения преподавания»)

Весна 1899. Введение в классическую археологию.

Осень 1899. 1. «Афинская полития» Аристотеля.

2. Классическая археология.

3. Практические занятия: «Разговоры мертвых» Лукиана.

Весна 1900

1. «Ликург» Плутарха.

2. Классическая археология (продолжение).

3. Практические занятия: «Гимны» Каллимаха.

- Осень 1900. 1. Классическая археология (продолжение).
2. Практические занятия: Александр Великий — чтение и разбор источников.
3. Практические занятия: «Медея» Еврипида.
- Весна 1901. 1. Классическая археология (продолжение).
2. Практические занятия: Александр Великий — чтение и разбор источников.
3. Практические занятия: «Характеристики» Феофраста.
- Осень 1901. 1. XII книга Полибия, с введением о греческой историографии.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: «Картины» Филострата.
4. Практические занятия: «Пир» Платона.
- Весна 1902. 1. XII книга Полибия и пр.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: «Картины» Филострата.
4. Практические занятия: «Ахарняне» Аристофана.
- Осень 1902. 1. «Политика» Аристотеля.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: избранные отрывки из Афиней.
4. Практические занятия: Илиада.
- Весна 1903. 1. «Политика» Аристотеля.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: Афиней.
4. Практические занятия: «Одиссея».
- За осень 1903 и весну 1904 г. сведений добыть не мог.
- Осень 1904. 1. «Ахарняне» Аристофана.
2. История греческой литературы.
3. Введение в классическую археологию.
4. Практические занятия: отрывки из «Lesebuch» [44] Виламовица.
- Весна 1905. 1. «О мистериях» Андокида.
2. История греческой литературы.
3. Введение в классическую археологию.
4. Практические занятия: отрывки из «Lesebuch» Виламовица.
- Осень 1905 — весна 1906. 1. «О венце» Демосфена.
2. Дельфы.
3. Практические занятия: литературные и археологические источники мифа о Филоктете.
4. Практические занятия: отрывки из «Lesebuch» Виламовица.
- Осень 1906. 1. Гомеровский эпос.
2. I книга Павсания.
3. Просеминарий: Гомеровские гимны.
- Весна 1907. 1. Киклический и Гесиодовский эпос.
2. I книга Павсания.
3. Просеминарий: Ксенофонт.
- Осень 1907. 1. Введение в классическую археологию.
2. Павсаний. Афинский акрополь.
3. Семинарий: греческие диалектические надписи.
4. Просеминарий: «Киропедия» Ксенофонта.
- Весна 1908. 1. «Пир» Платона.
2. Греческая эпиграфика.
3. Семинарий: греческие диалектические надписи.
4. Просеминарий: «Киропедия» Ксенофонта.

Осень 1908 — весна 1909.

1. «Политика» Аристотеля.
2. Греческая мифология.
3. Семинарий: мифы о метаморфозах.
4. Просеминарий: евангелие от Луки.

Осень 1909 — весна 1910.

1. Основы греческого государственного права.
2. Классическая археология юга России.
3. Семинарий: «Политические наставления» Плутарха.
4. Просеминарий: переводы с русского на греческий.

Осень 1910 — весна 1911.

1. История Афинского государства до Александра Великого.
2. Топография и памятники Афин.
3. Семинарий: греческие надписи.
4. Просеминарий: переводы с русского на греческий.

Осень 1911 — весна 1912 г. — сведений добыть не мог.

Осень 1912 — весна 1913.

1. История Греции в V в. до Р.Х.
2. Семинарий: Павсаний.
3. Просеминарий: избранные речи Фукидида.

Осень 1913 — весна 1914 г. — сведений добыть не мог [45].

Осень 1914 — весна 1915.

1. Основы греческого государственного права.
2. Просеминарий: Псевдоксенофонта «Афинская политика».
3. Практические занятия по греческой эпиграфике.

Осень 1915 — весна 1916.

1. Введение в историю Греции.
2. Семинарий: греческие надписи.
3. Практические занятия: «Федр» Платона.

Осень 1916 — весна 1917.

1. История Греции до Пелопоннесской войны.
2. Просеминарий: Демосфен.
3. Практические занятия: документальные источники греческого государственного права.

Осень 1917 — весна 1918 г. — сведений добыть не мог.

Весна 1918 — осень 1919.

1. Античная республика.
2. Семинарий: греческие исторические надписи.
3. Практические занятия: жизнь Косьмы и Дамиана.

Лето 1918. Общедоступный курс «Евангелия канонические и апокрифические».

В период времени с 1920 по 1925 г., помимо курсов по истории Греции и Рима, разбора греческих надписей, читались и объяснялись следующие авторы: 1. Аристофан (6 комедий); 2. Аристотель («Поэтика», «Риторика» — вся); 3. Феокрит (все идиллии); 4. Геронд (все мимиямбы); 5. Геродот (книги VI—IX); 6. Фукидид (книги VI—VIII); 7. Греческие апокрифические евангелия; 8. Гораций «Ars poetica».

КОММЕНТАРИИ С.А. ЖЕБЕЛЕВА К АВТОНЕКРОЛОГУ

1. По поводу «*de mortuis aut bene aut nihil*». Говорят и пишут, что это изречение — отзвук «буржуазной морали». Меня заинтересовало его происхождение. В «*Geflügelte Worte*» G. Büchmann'a (18 изд. Berlin, 1895. С. 281) оно приводится в форме «*de mortuis nil nisi bene*», причем

указывается, что это «вероятно перевод передаваемых Диогеном Лаэртским слов Хилона «τὸν τεθνηκότα μὴ κακολογεῖν». Но это значит «умершего не злословить», что далеко не совпадает с «о мертвых только хорошее». Ни Хилон, ни по другому преданию Солон не рекомендовали обязательно хвалить умершего, а запрещали лишь его злословить, ругать. И это с точки зрения какой бы то ни было морали правильно. Ибо если «лежащего не бьют», то тем паче не следует поносить мертвого. «Лежащий», когда встанет, может воздать бившему его. Мертвый — безгласен, и ругать его хуже еще, чем лаять из подворотни или наносить удар в спину. Иная мысль у Фукидида в его «Λόγος ἑπιτάφιος» (II, 47): «всякий привык хвалить умершего». Но это обычай, а вовсе не правило.

2. *О моем социальном происхождении и имущественном положении.* Я — петербуржец по рождению, воспитанию, образованию, всей своей деятельности. Но отец мой, Александр Васильевич Жебелев, был родом из г. Вереи Московской губ., где Жебелевы прозывались и продолжают прозываться двойной фамилией, Жебелев-Корсаков. Этой двойной фамилией ни мой отец, ни его дети никогда не пользовались. Мой покойный двоюродный брат Иван Андреевич Жебелев-Корсаков занялся генеалогическими разысканиями о нашем «роде», поручил составить рисовальщику «родословное древо», фотографический снимок с которого у меня имеется. Если произведенные генеалогические разыскания правильны, оказывается род Жебелевых-Корсаковых ведет свое начало с XVI в. Но, несомненно, это был не знатный род. Во всяком случае мой дед с отцовской стороны, которого я еле-еле припоминаю, был мещанином Вереи.

Отец мой в ранней юности был привезен в С.Петербург и отдан в «мальчики» в суровский [46] магазин Самохвалова в Гостином дворе. Из мальчиков он вышел в приказчики, потом записался 2-й гильдии кушцов и, в компании с Силантьевым, открыл свой мануфактурный магазин на Банковской линии Гостиного двора. Тогда же отец мой женился на петербургской мещанке Елене Егоровне Костиной. Я был первенцем этого брака.

Отец мой умер в 1876 г., когда я готовился поступить в гимназию.* Его я плохо помню, как плохо помню и свое детство вообще*. По тогдашним правилам матери моей, оставшейся вдовой с 4 малолетними детьми и с более чем ограниченными средствами, предстояло или остаться самой с дочерью в купеческом сословии, а троих сыновей записать в мещане, или поступить наоборот. Мать моя, со свойственной ей практической мудростью, выбрала первое, и таким образом я оказался петербургским мещанином. Когда я поступил в университет, мне нужно было подавать прошение в Мещанское общество об увольнении меня из его, заплатить за это какие-то небольшие деньги.

По окончании университета, поступив на государственную службу, я тем самым стал личным дворянином. Потомственного дворянства я не имел, т.к. не дослужился до «генеральского» чина. Судьба меня спасла от него. Дело в том, что к 1 января 1916 г. до меня дошла очередь быть представленным по университету, где я тогда состоял ординарным профессором, к чину действительного статского советника. Тогдашний секретарь Совета университета, покойный М.Н. Никитин спросил меня, не соглашусь ли я уступить свою очередь одному из моих коллег, проф. В.Ф. Дерюжинскому, для которого почему-то важно было стать «генералом». Я, ни минуты не раздумывая, согласился поменяться «очередями» с Дерюжинским. Поэтому революция застала меня статским советником — чин, который присвоен был мне по должности ординарного профессора. И это-то счастливое обстоятельство освободило меня в дальнейшем от необходимости куда-то ходить и

* Фраза зачеркнута.

регистрироваться, как это полагалось тогда для «генералов». Таково мое социальное происхождение и «чиновная карьера».

После смерти отца мать моя получила от его компаньона 10000 руб. И с этим капиталом стала она воспитывать оставшуюся семью. Конечно на прожить, до тех пор, когда дети подрастут, их не хватило бы. Поэтому мать моя стала зарабатывать сама деньги. Она открыла «красильню» на Загородном проспекте и держала ее до окончания моего университетского курса. *Матери моей я, как вся наша семья, обязан тем, что «вышел в люди».* Плату за учение в гимназии вносило за меня С.Петербургское купеческое общество. Общество вспомоществования недостаточным ученикам 2-й гимназии, где я учился, снабжало меня учебниками пособиями и верхним платьем.** Моему духовному развитию в бытность мою гимназистом, я многим обязан одному из преподавателей гимназии Михаилу Алексеевичу Сокову, приходившемуся мне дальним родственником. В семье его я был принят как родной и много хорошего от нее видел.**

Будучи гимназистом 5 класса стал я заниматься, как сказано, репетиторством, давать частные уроки, и занимался этим непрерывно вплоть до 1895 г., хотя по окончании университета сразу же поступил на службу в училище Штигилица, где получал 65 руб. в месяц.*** Первым моим учеником был сын повара Училища глухонемых. За свою работу я получал 8 руб. в месяц. В течение гимназического курса я не переставал давать уроки, то же, когда был в университете и первые 5 лет по окончании университета. Последней моей ученицей в 1894-1895 гг. была А.П. Дурново, вышедшая потом замуж за гетмана Скоропадского. Ей я прочитал полную историю искусства, от пирамид до передвижников, и получал за каждую лекцию (в неделю было две лекции) по 5 руб.***

Но первое мое жалование в университете, когда я служил вольнонаемным писцом в Музее древностей, было 20 руб. в месяц, потом, как хранитель его, я получал 50 руб. в месяц. Стало жить легче, когда я в 1894 г. поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств, где я получал за 6 недельных лекций 100 руб. в месяц. Приват-доцентом вознаграждения я не получал. Став профессором, получал столько, сколько полагается по штату. В университете, как экстраординарный профессор — 2000 руб. в год, как ординарный — 3000 руб., потом 3600 руб. в год. В революционное время, когда установился твердый денежный курс, мое ежемесячное вознаграждение не доходило свыше 110 руб., но бывали полосы, когда оно доходило всего до 25 руб. в месяц. Сколько я получал в Историко-филологическом институте, точно не припоминаю, кажется от 75 до 150 руб. в месяц.

За редакторскую работу я имел от Журнала Министерства народного просвещения 60 руб. в месяц, от Энциклопедического словаря — 100 руб. за том. Вся остальная выполненная редакторская работа — бесплатная.

За печатные работы, помещенные в ЖМНП, я получал по 40 руб. с печатного листа, в Энциклопедическом словаре — по 200 руб. с листа. За работы, напечатанные в «Записках Русского археологического общества», «Филологическом обозрении», в «Гермесе» и прочих периодических изданиях, я гонорара не получал. За «Политику» Аристотеля я получил от издательства Сабашникова 1000 руб., за Фукидида — от того же издательства 3000 руб. Сколько мне заплатили «Огни» за «Евангелия» и за «Павла» не припоминаю. За книжки, вышедшие в «Науке и школе», сколько платили тоже не припоминаю. Твердого денежного курса тогда не было. А.А. Кроленко, представитель издательства «Academia» платил мне за исполненные мною переводы

** Фраза зачеркнута.

*** Фраза зачеркнута.

Платона по 10 руб. с листа, за редакцию переводов, исполненных другими лицами — 5 руб. с листа.

Вообще же главным источником моих доходов была получаемая мною зарплата. Все, что было сверх того, составляло приработок. Благодаря ему я мог приобретать себе в дореволюционное время ученую заграничную литературу, причем единственным поставщиком моим был Гессель (Voss Sortiment) в Лейпциге. В доходные годы я мог тратить на книги 500—700 руб. в год. В конце концов у меня составила довольно хорошая научная (и отчасти беллетристическая) библиотека [47], но с значительной частью ее я, начиная с 1917 г., периодически должен был расставаться. У меня образовалась, между прочим, довольно хорошая библиотека периодики. Всю иностранную ее часть я продал Пермскому университету, но она не дошла до назначения, а погибла в Ярославле во время бывшего там вооруженного восстания. Последнюю большую порцию книг я продал в 1931 г. «Красной газете» за 650 руб. Вынудила меня к этой продаже необходимость «самоуплотниться».

Не отказывая себе и семье ни в чем необходимом, но вместе с тем и не позволяя себе никакой роскоши или транжирства, я мог кое-что и скопить себе на черный день. К 1 января 1917 г. у меня лежало на текущем счету в Международном банке 2531 руб. Когда частные банки были ликвидированы, деньги эти пропали, и даже в ходатайстве моем засчитать эти деньги в счет особого революционного налога в 1918 г. мне было отказано. Никакими ценностями в виде процентных бумаг или золотых вещей, за исключением безделушек, я никогда не обладал. Пропали и эти памятные для меня безделушки. Они были помещены в Судную кассу на Фонтанке на хранение. В особенности огорчает меня то, что в числе их пропал и мой докторский знак, поднесенный мне в день моего докторского диспута моими друзьями.

И по своему социальному происхождению, и по своему имущественному положению я должен причислить себя к числу «средних». Недостатка я никогда не испытывал, так как старался всегда жить по средствам.**** Никакими капиталами или земельными угодьями я никогда не обладал.**** Домов я не имел и не имею, но кое-кто мне остался должен.

Теперь я получаю зарплату по Академии наук 400 руб. в месяц, по Академии истории материальной культуры с недавнего времени 220 руб. Иных источников дохода не имею. Ввиду царящей дороговизны жить должен очень скромно.

24 сентября 1932 г.

3. *О моем семейном положении, детстве и отрочестве; о церковных, музыкальных и театральных увлечениях.* После смерти отца в 1876 г. наша семья состояла из матери (ум. 1918), сестры Марии (род. в 1871 г.), брата Владимира (род. 1873, ум. 1926), брата Александра (род. 1875, утонул в пруду в Петергофе в 1889 г.). Сестра окончила гимназию Стависской и до 1931 г. занималась педагогической деятельностью, служа учительницей сначала в гимназии Стависской, затем Таганцевой, и давая частные уроки. За свою педагогическую 25-летнюю деятельность она получила пенсию в 20 руб. Мои отношения с сестрой были всегда самые дружественные и никогда ничем не омрачались. Брат Владимир окончил курс Петровского училища, служил сначала в С.Петербурге, затем со времени Японской войны переехал в Сибирь, где служил в Иркутске, там и женился; после него остался сын. С братом я никогда в дружественных отношениях не состоял. С 1911 г. у нас живет наша воспитанница Анна Ивановна Царькова (род. в 1906 г.) дочь крестьянина.

****—**** Фраза зачеркнута.

Обзавестись своей семьей, т.е. жениться я «не удосужился», хотя и не оставлял мысли об этом лет до 40—45. Потом я перестал и думать об этом, т.к. пришел к убеждению, что жениться нужно молодому, 20—30 лет, чтобы иметь время вырастить детей. Бездетного брака я не понимаю: это не брак, а простой конкубинат. Если бы я вздумал жениться, я никогда не женился бы на «ученой», тем менее — на «ученой» одной со мною специальности. Удивляюсь прозорливости Пушкина, который правильно сказал: «Жена и дети, друг, поверь, — большое зло: от них все скверное для нас произошло». Теперь на склоне дней своих считаю единственным своим абсолютно умным поступком то, что я не женился. Конечно и здесь, как и во многих других случаях моей жизни, и важных, и не важных, свою благодетельную роль сыграла *ἡγάδη τύχη*.

Своё детство до поступления в гимназию я помню очень смутно. И о моем отце почти не сохранилось у меня воспоминаний. По общему отзыву, он был достойный большого уважения человек. Первым урокам грамоты, чтению, письму, началам арифметики я обязан своей матери. В гимназию подготовлял меня гимназист VIII класса 2-й С.Петербургской гимназии Константин Константинович Соколов — любопытное совпадение: моим и первым, и последним учителем был Соколов. Во время гимназического курса я был принят как родной в семье одного из преподавателей гимназии Михаила Алексеевича Сокова, прекрасного и благородного человека. Ему, равно как и его семье, я считаю себя обязанным в очень многих отношениях.

Из моих гимназических учителей я вспоминаю с особенно добрым чувством латиниста Николая Васильевича Рубинского, обучавшего меня элементам латинского языка в первых четырех классах. В четырех старших классах латыни меня учил немец (заграничный) Осип Осипович Кениг, человек очень умный; его знания я оценил в университете, где они мне оченьгодились. Греческому языку я учился все время у чеха Осипа Юрьевича Клеменчича, хорошего учителя и доброго человека. В трех старших классах гимназии русского языку нас обучал молодой и толковый преподаватель Алексей Осипович Круглый, которому я во многом обязан любовью к русской литературе. Из гимназии я вынес довольно хорошие знания обоих древних языков, русского языка и литературы, отчасти истории. Плохо давались мне математика и физика. Новым языкам в гимназии учили плохо, и я выучился им сам уже потом, в университете. Не буду говорить о «толстовской гимназии» — ее недостатки, ее неправильные и фальшивые установки достаточно хорошо известны. Укажу лишь на одно положительное ее качество: толстовская гимназия приучила нас к труду, приучила нас не бояться труда, не отступать перед ним. Эта привычка к труду заставила меня полюбить его, и вне постоянного и упорного труда я не представлял и не представляю себе человеческого существования, которое становится тогда бессмысленным, а в общественном отношении вредным. К числу некоторых своих положительных качеств я должен отнести и поставить, пожалуй, на первое место отсутствие у меня лени.

Мои родители были люди религиозные, любили церковь. И мне они привили эту любовь к церкви. Будучи еще мальчиком, я читал за дьячка на клиросе в Коневской часовне, против которой мы жили. Когда в гимназии открыта была церковь, я и там был причетником. И даже позже иногда я подвизался в этом занятии. Частое посещение церкви и церковью сделало меня довольно хорошим знатоком церковной службы, большим любителем *хорошей* церковной службы, *хорошего* церковного пения. Я с удовольствием вспоминаю о тех прекрасных впечатлениях, которые оставили во мне и служба и, в особенности, пение в Исаакиевском соборе, где был в свое время отличный регент И.А. Соколов, и — в револю-

ционные годы — в храме Воскресения на крови, где регентом был артист-художник А.П. Рождественский. После того как храм этот перестал функционировать, я перестал ходить в церковь к службам, хотя от церкви как таковой никогда не отрекался и не отрекаюсь.

***** — Еще будучи гимназистом, я сильно увлекался также театром, в особенности оперой, и будучи гимназистом 7 класса имел уже абонемент в Итальянской опере, в Мариинском театре, на 6-й скамейке галереи, заплатив за абонемент в 22 спектакля 11 руб. Первая из иностранных опер, которую мне пришлось услышать, был «Дон Жуан» Моцарта, первую русскую оперой — «Снегурочка» Римского-Корсакова в тогдашнем Большом театре. Так как музыка играла большую роль в моей жизни, скажу несколько слов и*****

4. *О моих музыкальных, театральных и иных увлечениях.******

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 47. Л. 1—15. Автограф.

КОММЕНТАРИИ

[1] Виламовиц-Мёллендорф Ульрих фон (1848—1931), немецкий филолог и историк античной культуры. См.: Жебелев С.А. Памяти Виламовица-Мёллендорфа // ИАН. 1933. 7 сер. № 1. С. 61—96. Здесь и далее речь идет о книге: Wilamowitz-Moellendorff U. v. Erinnerungen 1848—1914. Leipzig, 1928—1929.

[2] Чечулин Николай Дмитриевич (1863—1927), историк России, член-корреспондент РАН (1921).

[3] Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931), монголовед, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик АН СССР (1929); Марр Николай Яковлевич (1864—1934), советский востоковед, лингвист и археолог, председатель РАИМК—ГАИМК, академик Петербургской АН (1912).

[4] См.: Büchmann G. Geflügelte Wörter. В., 1895.

[5] Смирнов Яков Иванович (1869—1918), археолог, историк искусства, византист, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа, профессор Петербургского-Петроградского университета, академик РАН (1917); Мальмберг Владимир Константинович (1860—1921), историк античного искусства, директор Музея изящных искусств, профессор Московского университета; Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), византист, историк искусства, археолог профессор Новороссийского (1877—1888, 1919), Петербургского (1888—1897) университетов, действительный член Петербургской Академии художеств (1893), академик Петербургской АН (1898), эмигрировал в 1920 г.; Никитский Александр Васильевич (1859—1921), филолог-классик, историк античности, эпиграфист, профессор Новороссийского, Юрьевского и Московского университетов, академик Петербургской АН (1917); Тураев Борис Александрович (1868—1920), востоковед, египтолог, профессор Петербургского университета, академик РАН (1918).

6. Толстой Иван Иванович (младший) (1880—1954), филолог-классик, историк античной культуры, эпиграфист, профессор Петроградского-Ленинградского университета, академик АН СССР (1946), сын министра народного просвещения И.И. Толстого (старшего), ученик С.А. Жебелева.

[7] Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952), историк античности, профессор Петербургского-Петроградского университета (1901—1918), акаде-

*****—***** Абзац зачеркнут.

***** На этом рукопись обрывается.

мик РАН (1917), эмигрировал в 1918 г. С ним С.А. Жебелева связывали многолетние дружеские отношения, прервавшиеся в 1928 г. в связи с т.н. «делом» Жебелева (см. комм. 41). Развязанная в советской прессе политическая травля, обвинения в пособничестве эмигрантским кругам, требования исключить С.А. Жебелева, наряду с М.И. Ростовцевым и П.Б. Струве, из числа действительных членов АН СССР заставило руководство Академии искать выход из сложившейся ситуации. С помощью секретаря С.Ф. Ольденбурга С.А. Жебелевым было написано покаянное заявление, опубликованное как в центральной, так и местной прессе, где он фактически отрекался от коллеги: «Мои слова о М.И. Ростовцеве, как "общем нашем с Я.И. Смирновым друге и соратнике" относятся определенно к тому времени, когда мы все трое работали в России и в начале революции в Союзе. Разумеется, что с того времени, как М.И. Ростовцев покинул нас и занял враждебную антисоветскую позицию, наши пути разошлись и он перестал быть мне соратником и другом» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 90). С.А. Жебелев сильно переживал случившееся и написал М.И. Ростовцеву письмо, прося извинений. По словам Г.В. Вернадского, М.И. Ростовцев всю эту историю принял близко к сердцу и очень огорчился из-за унижений, перенесенных С.А. Жебелевым. См.: *Graham L.R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932. Princeton, New Jersey, 1967. P. 107—108.*

Высказанное недавно утверждение, что С.А. Жебелев якобы сам внес на Общем собрании АН СССР предложение об исключении М.И. Ростовцева и П.Б. Струве из числа действительных членов (см.: *Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России / Публица и коммент. В.Ю. Зуева и И.А. Левинской // ВДИ. 1990. № 2. С. 197*), не соответствует действительности. Еще в феврале — июне 1928 г. на заседаниях Президиума АН СССР, членом которого С.А. Жебелев не являлся, под давлением Отдела научных учреждений при СНК СССР рассматривался вопрос «о порядке фиксирования выбытия из состава АН некоторых почетных и действительных членов и членов-корреспондентов». Было решено, что все члены Академии, уехавшие после 1917 г. за границу без соответствующего разрешения властей, или просрочившие заграничные командировки (как М.И. Ростовцев), на основании ст. 22 Устава АН СССР (см. комм. 39) должны считаться выбывшими из ее состава. 7 июня появилось соответствующее постановление Президиума, утвержденное Общим собранием АН СССР 15 декабря 1928 г. См.: ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 191. Л. 22 об. § 8; Л. 39 § 5; Л. 86 § 3; Ф. 1. Оп. 1—1928. Д. 250. Л. 99—100. § 245.

[8] Точнее: *Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы). Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Ч. 2. С. 143—147, 192; Беляев Н.М. Сергей Александрович Жебелев // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1927. Т. I. С. 308—312; Бузескул В.П., Успенский Ф.И., Бартольд В.В., Платонов С.Ф., Марр Н.Я., Крачковский И.Ю. Записка об ученых трудах проф. С.А. Жебелева // ИАН. 1927. Сер. 6. Т. 21. С. 1541—1545 (с приложением списка трудов: С. 1546—1557); Толстой И.И. [Вступительная статья] // Список печатных трудов Сергея Александровича Жебелева / Сост. А.И. Доватур. Л.: б.и., 1926. С. 5—11 (№ 1—212). Дополнение к нему (№ 213—293) за 1926—1940 гг. составлено Е.Г. Кастанаян: СА. 1941. Т. 7. С. 13—15. См. также: Биография академика Сергея Александровича Жебелева и список его печатных трудов // ВДИ. 1940. № 1. С. 176—187 (264 номера). Оба списка не могут считаться исчерпывающими.*

[9] Статья С.А. Жебелева «Из университетских воспоминаний» переиздана: ВДИ. 1968. № 3. С. 158—175. Соколов Федор Федорович (1841—1909), историк античности, эпиграфист, профессор Петербургского университета и Петербургского Историко-филологического института; Эрнштедт Виктор

Карлович (1854—1902), филолог-классик, специалист по античной палеографии, профессор Петербургского университета, академик Петербургской АН (1898); Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог-классик, эпиграфист, профессор и ректор Петербургского университета, академик (1898) и вице-президент (1900—1916) Петербургской АН.

[10] См.: Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923. Ч. 1. История археологического знания. С. 5—9.

[11] Латышев Василий Васильевич (1855—1921), филолог-классик, эпиграфист, историк античности, директор Петербургского историко-филологического института, товарищ председателя Императорской Археологической комиссии, академик Петербургской АН (1893).

[12] См.: *Wilamowitz-Moellendorff U. v. Platon*. Bd 1—2. В., 1919.

[13] Моммзен Теодор (1817—1903), немецкий историк античности, автор фундаментальных трудов по истории Рима. Приведены слова из составленного Моммзеном некролога Отто Яна (O. Jahn). См.: *Mommsen Th. Reden und Aufsätze*. В., 1905.

[14] Герман Готфрид (1772—1848), немецкий филолог-классик, представитель «чистой», преимущественно текстологической филологии.

[15] Узенер Герман (1834—1905), немецкий филолог-классик, специалист по истории античных религий.

[16] См.: *Inscriptiones Graecae... Editio minor*. V. 1—4. В., 1913—1929.

[17] См.: *Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke*, E. Norden. Bd. 1—3. Лpz—В., 1910—1912.

[18] Полная рукопись этой работы сохранилась (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—197 об.). К ней приложен отзыв Ф.Ф. Соколова: «Сочинение г. Жебелева далеко выдается из ряда обыкновенных кандидатских диссертаций и должно быть поставлено наравне с лучшими сочинениями, удостоенными золотых медалей. Самое полное знакомство с источниками и многосторонней литературой избранной обширной темы возбуждает удивление...» (Там же. Л. 61 об.).

[19] См.: Жебелев С.А. Эпидаврийская ареталогия // ИАН. 1931. 7 сер. № 3. С. 321—345; он же. Эпидаврийская терапевтика // ИАН. 1933. 7 сер. № 1. С. 61—96.

[20] После смерти В.В. Латышева рукопись 2-го тома второго издания *IosPE* была взята С.А. Жебелевым на доработку и ныне хранится в его архиве (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34). Однако и он не успел подготовить книгу к печати. Работа была продолжена в 1950—1952, 1956—1965 гг. коллективом авторов из ЛОИИ и ЛОИА АН СССР и вышла на русском языке под названием «Корпус боспорских надписей» (М.-Л.: Наука, 1965).

[21] Мищенко Федор Герасимович (1847—1906), филолог-классик, историк античности, профессор Киевского и Казанского университетов, член-корреспондент Петербургской АН (1895). Речь идет об издании «Истории Фукидида в его переводе (М., 1887—1888).

[22] Бласс Фридрих (1843—1907), немецкий филолог-классик, исследователь и издатель текстов античных и раннехристианских авторов (в частности «Деяний апостолов»); Зоден Герман фон, немецкий филолог-классик начала XX в., исследователь и издатель текстов Нового завета.

[23] Точнее: Жебелев С.А. Сократ (Биографический очерк). Берлин: Госуд. изд-во РСФСР, 1923; он же. Демосфен. Берлин-Пг.—М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922; он же. Александр Великий. Берлин—Пг.—М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.

[24] См. *Ferguson W.S. Hellenistic Athens*. L., 1911.

[25] См. *Herzog R. Die Wunderheilungen von Epidauros*. Ein Beitrag zur

[26] См. *Miller M.A.* Archaeology in the USSR. N.Y.: F.A. Praeger, 1956. p. 54. См. также опубликованные рецензии: на первую часть — Н. Целеша (Книга и революция. 1923. № 3 (27). С. 63), на вторую часть — В.Е. Данилевича (Червоный шлях. 1925. № 3. С. 275—277), Н. Щербакова (Печать и революция. 1924. Кн. 2. С. 196—197).

[27] С.А. Жебелев не случайно касается этого вопроса, так как он принимал участие в подготовке сборника «Русская наука», идея которого зародилась среди ученых Петербургской АН еще в 1916 г. Цель задуманной книги — в кратких, сжатых очерках, написанных специалистами в разных областях знаний, дать характеристику становления, развития и современного положения основных направлений отечественной науки. Еще весной 1918 г. им был написан очерк «Археология и общая история искусства» (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 5. 47 л.), а М.И. Ростовцевым — статья «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря». Однако из-за социальных потрясений той эпохи сборник «Русская наука» так и не увидел свет.

[28] Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства, почетный член Петербургской АН (1900). Речь идет о книге: *Кондаков Н.П.* Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892.

[29] Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) (1854—1928), филолог, директор Публичной библиотеки, вице-председатель Философского общества при Петербургском университете, редактор философского отдела «Энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона и ЖМНП, член-корреспондент РАН (1920).

[30] Успенский Федор Иванович (1845—1928), историк-византист, славяновед, профессор Новороссийского (1879—1894) и Петроградского-Ленинградского университетов (1922—1927); директор Русского археологического института в Константинополе (1894—1914), редактор «Византийского вестника» (1915—1928), академик Петербургской АН (1900). Речь идет о книге: *Успенский Ф.И.* Очерки по истории Трапезунтской империи. Л., 1929.

[31] Бузескул Владислав Петрович (1858—1931), историк античности, историограф, профессор Харьковского университета, академик РАН (1922) и АН УССР (1925). Речь идет о книге: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л.: изд-во АН СССР, 1929—1931. Ч. 1—2. Первая часть вышла в «Трудах Комиссии по истории знаний» (вып. 7) под редакцией акад. В.И. Вернадского, вторая — в сильно сокращенном виде под редакцией С.А. Жебелева, третья осталась неопубликованной. Авторы настоящей публикации готовят к печати книгу В.П. Бузескула в полном виде по рукописи, хранящейся в ПФА РАН.

[32] Помяловский Иван Васильевич (1845—1906), филолог-классик, эпиграфист, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1890).

[33] См.: *Жебелев С.А.* Каталог библиотеки Музея древностей. СПб.: И.Н. Скороходов, 1896; *он же.* Каталог библиотеки Музея древностей. Прибавление I. СПб., И.Н. Скороходов, 1901.

[34] В 1910 г. С.А. Жебелев был избран действительным членом Академии художеств. См.: *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914. [СПб., 1915]. Ч. 1. С. 281.

[35] В рамках проводившейся Главпрофобротом кампании по изгнанию дореволюционной профессуры из стен Ленинградского университета осерью

1927 г. С.А. Жебелеву было предложено перейти с должности профессора в приват-доценты, что было несправедливо по отношению к крупному ученому. Он, естественно, не согласился и покинул университет, а его место на кафедре занял профессор-марксист. В личном деле С.А. Жебелева сохранилось письмо Канцелярии Правления ЛГУ в Управление делами АН СССР с извещением, что с начала 1927—1928 учебного года он «оставлен без поручений» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 55). Предложение о понижении в должности было сделано и археологу, члену-корреспонденту АН СССР А.А. Спицыну, что послужило причиной его ухода на пенсию. См.: *Тихонов И.Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // *Вестник ЛГУ.* 1988. Сер. 2. Вып. 3. № 16. С. 13.

[36] Здесь автор ошибается. Последняя административная должность С.А. Жебелева в Академии наук до событий ноября 1928 г. — исполняющий обязанности директора Библиотеки АН СССР (7 октября — 20 ноября 1928 г.). Он вынужден был покинуть этот пост в связи с пресловутым «делом» (см. комм. 41) (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 32). 5 августа 1919 г. С.А. Жебелев был избран членом ГАИМК, где он занимал следующие должности: товарищ председателя (март 1923—15 ноября 1928), заведующий разрядом Эллады и Рима (5 июля 1920 — 13 ноября 1929), председатель Библиотечно-библиографической комиссии III (организационно-методологического) отделения ГАИМК; 20 ноября 1929 г. введен в состав разряда древних культур Причерноморья Института истории рабовладельческого общества (ИИРО) ГАИМК; с 20 января 1934 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории античных колоний Причерноморья ИИРО (в 1936 г. ИИРО переименован в Институт истории древнего мира (ИИДМ)); с 5 ноября 1937 г. — заведующий сектором Древнего Причерноморья ИИДМ. В 1937 г. институты в составе ГАИМК были ликвидированы, а сама Академия реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) и передана в ведение АН СССР. С 1938 г. до конца жизни С.А. Жебелев являлся заведующим сектором Древнего Причерноморья ИИМК, а после организации Института истории АН СССР (1936) с 1 января 1939 г. — заведующим группой Истории древнего мира ЛОИИ. См.: РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5; Ф. 35. Оп. 5—6; ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 172.

[37] Коковцов Павел Константинович (1861—1942), востоковед-семитолог, эпиграфист, профессор Петербургского университета, академик Петербургской АН (1906); Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942), индолог, буддолог, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик РАН (1918).

[38] 16 марта 1927 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии АН СССР академик-секретарь И.Ю. Крачковский доложил, что на заседании Выборной комиссии был рассмотрен вопрос об избрании С.А. Жебелева в действительные члены АН СССР. При голосовании в Отделении его кандидатура единогласно получила поддержку академиков С.Ф. Ольденбурга, С.Ф. Платонова, М.М. Богословского, В.П. Бузескула, Ф.И. Успенского, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского. Два академика — П.К. Коковцов и Ф.И. Щербатской — не принимали участия в баллотировке и подали особое мнение об избрании С.А. Жебелева для представления Общему собранию. Этот вопрос рассматривался на двух Общих собраниях АН СССР — 2 апреля и 7 мая 1927 г. В протокольных бумагах сохранилась обширная документация по этому делу: особое мнение П.К. Коковцова и Ф.И. Щербатского, записка В.П. Бузескула, записка В.В. Бартольда, подписанная также С.Ф. Ольденбургом и И.Ю. Крачковским, записка С.Ф. Платонова, дополнительное заявление П.К. Коковцова и мотивированное заявление Н.К. Никольского. Из 29 присутствовавших на Общем собрании членов

АН СССР 8 проголосовало против, 21 — за избрание С.А. Жебелева действительным членом по кафедре классической филологии (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1927. Д. 176. Л. 70. § 101; Л. 84 § 135; Л. 229 об. § 129; Ф. 1. Оп. 2—1927. Ос. IV. § 101. V. § 135; Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 1—2).

[39] 18 июня 1927 г. постановлением СНК СССР был утвержден новый «Устав АН СССР», направленный на подчинение научно-исследовательской работы нуждам «социалистического строительства». Статья 22 устава гласила: «Действительный член АН лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или, если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР». Другим постановлением Совнаркома от 3 апреля 1928 г. состав действительных членов АН СССР значительно расширился, с 43 до 54 академиков (см.: Устав Академии наук СССР. Л., 1927. С. 6). Относительная автономия высшего научного учреждения страны и его «беспартийный» характер не устраивали государственные структуры, которые с помощью нового устава хотели провести в Академию ученых-коммунистов. В преддверии выборов, в 1928—1929 гг. в печати развернулась кампания клеветы и доноса на отдельных деятелей Академии наук. Научное сообщество не смогло открыто противостоять давлению партийно-государственной машины и подчинилось диктату свыше, так как при возможном сопротивлении возникала угроза ликвидации Академии. Подробнее см.: *Levin A.E. Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science // Slavic Review. 1988. V. 47. № 2. P. 261—279*; Пять «вольных» писем В.И. Вернадского сыну. (Русская наука в 1929) / Публикац. К.К. // *Минувшее: Исторический альманах*. Р.: Atheneum, 1989. С. 425—450; *Брачев В.С.* Украшение строптивой, или как АН СССР учил послушанию // *Вестник АН СССР*. 1990. № 4. С. 120—127; *Кольцов А.В.* Выборы в Академию наук в 1929 г. // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1990. № 3. С. 53—66.

[40] Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед-индолог, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик (1900) и непререкаемый секретарь (1904—1929) Петербургской АН СССР; Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945), геохимик, минералог, академик РАН (1919), вице-президент АН СССР (1927—1929).

[41] Так называемое «дело» акад. С.А. Жебелева (1928) — яркий пример предвыборного шантажа членов Академии наук (см. комм. 39). В октябре 1928 г. в Праге вышел очередной том трудов Семинария им. Н.П. Кондакова, посвященный памяти Я.И. Смирнова; открывавшийся некрологом ученому, написанным С.А. Жебелевым: «Я.И. скончался 10 октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье... Я.И. — «ближайший и наиболее блестящий из учеников Н.П. Кондакова», как его охарактеризовал наш общий с Я.И. друг и соратник, М.И. Ростовцев...» (см.: *Жебелев С.А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 2. Prague, 1928. С. 1—2). Этих двух безобидных фраз оказалось достаточно, чтобы разыгрался политический скандал. 21 ноября в Москве и Ленинграде состоялись заседания бюро Секции научных работников (СНР), требовавшие исключить С.А. Жебелева из состава АН СССР на основании ст. 22 нового устава за участие в «специфически эмигрантском издании», как направленном «во вред интересам СССР». Заседания научной общественности прошли также в ГАИМК, ЛГУ, Педагогическом институте им. Герцена и т.д. Академия должна была немедленно реагировать на эти выпады. Как видно из протокола заседаний президиума от 20 и 22 ноября, С.А. Жебелев по собственному желанию был освобожден от исполнения обязанностей директора Библиотеки АН СССР, а еще раньше снял с себя обязанности товарища председателя ГАИМК. Под давлением Отдела научных учреждений при СНК СССР Президиум

принял постановление «о недопустимости участия советских ученых, а следовательно, и сотрудников АН СССР в каких-либо эмигрантских изданиях» и «поставил на вид» участникам сборника, а также признал публикацию С.А. Жебелева в Праге «неправильной». Представленное С.А. Жебелевым С.Ф. Ольденбургу заявление с объяснениями своих действий, опубликованное в центральной и местной печати, удовлетворило Президиум АН СССР и «ввиду 11-летней неутомимой работы акад. С.А. Жебелева на пользу советского строительства и представленных им... объяснений по настоящему делу» он постановил не применять к нему ст. 22 устава АН СССР (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 191. Л. 188—189 об.). 19 декабря 1928 г. состоялось заседание Бюро СНР, где было заслушано заявление С.А. Жебелева, в котором он выразил сожаление по поводу своего участия в пражском сборнике. Бюро приняло резолюцию, где в частности сказано: «Принимая... во внимание то, что акад. Жебелев резко и безоговорочно отмежевался в своем заявлении от белоэмигрантов и от своего бывшего друга Ростовцева... Ленинградское бюро считает возможным... а) восстановить акад. С.А. Жебелева членом СНР без перерыва стажа и б) постановку вопроса о применении к акад. С.А. Жебелеву параграфа 22 устава АН считает отпавшей» (см.: Бюро Секции научных работников об акад. С.А. Жебелеве // Красная газета. 1928, 20 декабря. Веч. вып.). О «деле» С.А. Жебелева см.: *Graham L.R.* Op. cit. P. 104—108; Levin A.E. Op. cit. P. 268; *Миллер М.А.* Археология в СССР / Ин-т по изуч. истории и культуры СССР. Исслед. и мат.-лы. Сер. 1. № 12. Мюнхен, 1954. С. 49; *Копржива-Лурье Б.Я.* История одной жизни. P.: Atheneum, 1986. С. 111—113.

[42] Здесь и далее имеется в виду чистка ГАИМК Рабоче-крестьянской инспекцией 1930 г. Комиссия наметила «вычистить» 20 человек, «начиная с дряхлости и кончая чуждым элементом». В результате из ГАИМК были уволены несколько сотрудников библиотеки, ученый секретарь Института археологической технологии М.В. Фармаковский и ряд других лиц. Угроза нависла и над С.А. Жебелевым. Нервное перенапряжение привело к тому, что он сам просил наложить на него «какое-нибудь наказание». Комиссия приняла к сведению заявление администрации ГАИМК о том, что она увольняет со службы С.А. Жебелева, и этим ограничилась (Центральный государственный архив историко-политических документов С. Петербурга. Ф. 1605. Оп. 1. Св. 1. Д. 1а. Л. 1). Это спасло С.А. Жебелева от неминуемого изгнания, так как после окончания кампании по чистке администрация «забыла» о своем намерении.

Фармаковский Борис Васильевич (1870—1928), историк искусства, археолог, хранитель Эллино-скифского отделения Гос. Эрмитажа, профессор Ленинградского университета, Института истории искусств и Педагогического института им. Герцена, ученый секретарь ГАИМК, член-корреспондент Петербургской АН (1914).

[43] Речь идет о книге: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов. М.—Л.: Госуд. соц.-эконом. изд-во, 1931. С. целью идеологического обеспечения сфабрикованного по указке свыше «дела» академика С.Ф. Платонова (1929—1931), направленного на «советизацию» Академии наук и подчинение ее задачам социалистического строительства, Коммунистическая академия во главе с М.Н. Покровским провела в Москве (10 октября 1930) и Ленинграде (29 января — 16 февраля 1931) совместные совещания с Обществом историков-марксистов, посвященных теме «вредительства» старых буржуазных специалистов на «историческом фронте». Наряду с С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле и др. к «антимарксистского толка историкам» был отнесен и

С.А. Жебелев. Подробнее о разрушительном влиянии школы М.Н. Покровского на русскую историческую науку и о «деле» С.Ф. Платонова см.: Epstein F. Die marxistische Geschichtswissenschaft in der Sovietunion seit 1927 // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1930. Bd 6. Ht 1. S. 78—203; Брачев В.С.: «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129.

[44] См.: Griechisches Lesebuch / Hrsg. von U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Hlbd 1—4. В., 1902.

[45] Список составлен С.А. Жебелевым на основе ряда книг «Обозрения преподавания наук в императорском С.Петербургском университете». Вероятно, не все из них были в момент написания «Автонекролога» в распоряжении автора. Удалось установить, что в осеннем полугодии 1913 г. и в весеннем полугодии 1914 г. ординарный профессор С.А. Жебелев вел следующие занятия: 1. История Греции (эллинистический период); 2. Плутарх («Ликург» и «Об оракулах Пифии»); 3. Практические занятия: «Гортинские законы» и «Гераклейские таблицы». См.: Обозрения преподавания наук в императорском С.Петербургском университете на 1913—1914 учебный год. СПб.: Б.М. Вольф, 1913. С. 6.

[46] Об определении «суровский» ср. разьяснение у В.И. Даля: «суровско́й товар, шелковый, бумажный и легкий шерстяной; — ряд, где этим торгуют». См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1956. С. 363.

[47] Книжное собрание С.А. Жебелева, составлявшее около 5000 библиотечных единиц и включавшее отечественные и иностранные книги по истории античного мира, в 1942—1943 гг. поступило в фонды Библиотеки АН СССР. Ныне коллекция С.А. Жебелева хранится в библиотеке С.Петербургского филиала Института российской истории РАН. См.: История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964 / Отв. ред. М.С. Филиппов. М.—Л.: Наука, 1964. С. 451.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лелюхин Д.Н.</i> (Москва) — Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи	4
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) — Из истории понтийского царства Полемонидов (По данным эпитафики)	25

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Москва) — Римляне в Пантикапее	50
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Усманова Э.Р., Ткачев А.А.</i> (Караганда) — Головной убор и его статус в погребальном обряде (По материалам андроновских некрополей)	75
<i>Хаксли Дж.</i> (Дублин) — О городах, переданных Киrom Пифарху	83
<i>Федосеев Н.Ф.</i> (Керчь) — Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе	85
<i>Семенченко Л.В.</i> (Москва) — Об одном документе эллинистической дипломатии: письмо первосвященника Ионафана в Спарту	105
<i>Авдеев А.Г.</i> (Москва) — О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе	112

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Фаченна Д.</i> (Рим) — Итальянская археологическая миссия IsMEO в Пакистане: последние результаты ее исследований и раскопок	123
<i>Стакуль Дж.</i> (Рим) — Культура Свата (ок. 1700—1400 гг. до н.э.) и ее северные связи	125
<i>Туза С.</i> (Рим) — Историко-культурное развитие долины Свата между серединой II тыс. до н.э. и началом новой эры	127
<i>Каллери П.-Ф.</i> (Рим) — Раннеисторический Сват: пример аккультурации?	131
<i>Фаченна Д.</i> (Рим) — Проблемы священной буддийской архитектуры и гандхарской скульптуры	137
<i>Таддей М., Верарди Дж.</i> (Неаполь) — Археология и буддизм — вклад Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (IsMEO)	152
<i>Де Мэгре А.</i> (Рим) — Итальянская археологическая миссия IsMEO в Йеменской республике и ее деятельность в сезон 1989—1990 гг.	162

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (Петербург) — Историкографические этюды С.А. Жебелева (Из неизданного научного наследия)	172
<i>Жебелев С.А.</i> — Автонекролог	177

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Большаков А.О.</i> (Петербург) — М. Eaton-Krauss. The Representation of Statuary in Private Tombs of the Old Kingdom. Wiesbaden, 1984 (Ägyptologische Abhandlungen. Bd 39); N. Kanawati. The Rock Tombs of El-Hawawish, the Cemetery of Akhmim. V.I. Sydney, 1980; S.D'Auria, P. Lacovara, C.H. Roehrig, Mummies & Magic. The Funerary Arts of Ancient Egypt. Boston, 1988; N. Strudwick. The Administration of Egypt in the Old Kingdom. London, 1985	202
---	-----